

Бари Джуди. Беседа с Earth First! через Джуди Бари

1991, источник: [здесь](#), оригинал: [здесь](#)

Предисловие

Джуди Бари — активная участница влиятельного в прошлом экологического движения Earth First! — вдохновляла целые поколения на коллективную и ненасильственную защиту окружающей среды, полагаясь на философию биоцентризма и экофеминизма.

В обширном интервью 1991 года энвайронменталистка, укрываясь в лесной лачуге, рассказывает о влиянии кампании «Лета Редвуда» на феминизацию экологического движения, его объединение с широкими либертарными задачами социальной борьбы в 90-е, правах рабочих и биоцентризме, уходе сооснователя Earth First! Дэйва Формана и антропоцентрических взглядах маскулинных защитников природы.

перевод: станислава погода для taste the waste редактурa: иван человекoв

Беседа с Earth First! через Джуди Бари

Джуди Бари (со скрипкой) и Дэррил Черни (с гитарой)

Дух журнала Mother Jones живет сегодня в глухих лесах Северной Калифорнии. Самая красноречивая организаторка анти-бензопилы северного побережья, движения Earth First!, Джуди Бари вернулась к работе — защите древних лесов от корпоративной резни. В мае прошлого года в Окленде ее покалечил подрыв собственной машины, после чего ФБР попыталось возложить вину на нее и ее компаньона Дэррила Черни. Точно также как бабушка американского рабочего движения боролась с Королем Углем столетие назад, Бари взяла на себя больших лесных баронов, вооруженная мегафоном и твердым кредо: «никаких компромиссов в защите Матери-Земли».

Боевой клич отразился от калифорнийского национального парка Редвуд до Уолл-Стрит, охватив прогрессивную повестку дня — глубокое почтение к Земле и ее созданиям. Для главной архитекторки «Лета Редвуда» (Redwood Summer) 1990-х — знаменитой ненасильственной кампании по спасению исчезающих некогда зеленых прибрежных зон Калифорнии — необходимо прекратить уничтожение окружающей среды.

Бари привила энвайронментализму ненасилие, социальную справедливость, равные права и другие прогрессивные ответы общественным проблемам. Бывшая организаторка трудяг в Мэриленде, она давно стала крестоносцем для обездоленных, бесправных и угнетенных на фабриках, полях и офисах по всей стране.

Бари вложила свои организаторские способности в работу на северном побережье, создавая коалиции с работниками лесозаготовительной отрасли для борьбы с нарушением их прав и злоупотреблениями корпораций. Она основала ячейку профсоюза Промышленных Рабочих Мира (Industrial Workers of the World — интернациональный международный профсоюз пролетариата, основанный в 1905 году в Чикаго — прим.ред.) в Мендосино и представляла группу мельничных рабочих, которые были отравлены утечкой PCBs (полихлорированного бифенила) на целлюлозном заводе Форт-Брэгг компании Georgia-Pacific.

В этом обширном интервью Джуди Бари рассказывает из своей деревенской «хипповской лачуги» в глухом лесу Мендосино, где живет с двумя маленькими дочерьми, о своих взглядах на влияние «Лета Редвуда», прогрессивной коалиции в 1990-е, феминизации организации Earth First! и уходе ее сооснователя Дэйва Формана, который на прощание публично осудил Бари и поддерживающих ее феминисток за «введение классовой борьбы и гуманизма» в организацию, которую он задумывал для сохранения дикой природы.

— Оглядываясь назад, как ты относишься к итогам «Лета Редвуда» в прошлом году?

— Я думаю, что «Лето Редвуда» было успешнее, чем мы могли себе представить. Самый скромный показатель — это участие 3000 человек. Летом ранее, два года назад, участие приняли не более 150. Так что в этот раз довольно много. Люди приезжали со всей страны, в том числе студенты и те, кто раньше не занимался активистской деятельностью. Мы радикализировали очень многих людей. Одна из идей лагеря была в том, чтобы «посадить семена» и передать факел следующему поколению. Нам звонили люди, которые вернулись домой и пытались начать все сначала. Только что мы получили очень трогательное письмо от матери 20-летнего студента колледжа, который погиб в автокатастрофе этой осенью. Он был в Редвуде, и она сказала, что это был самый значимый поступок, который он когда-либо совершал.

Нет, мы не остановили лесозаготовки — прошлым летом они спилили 20-летние деревья. Но мы вынесли эту проблему на национальный уровень, на международный уровень, обратили такое масштабное внимание, до которого она никогда не раздувалась. Я думаю, что упреки в духе «вы не остановили лесозаготовку» нелепы. Никто никогда не подходил к антивоенным демонстрантам во времена войны во Вьетнаме со словами: «Движение потерпело неудачу, потому что вы не остановили войну этой демонстрацией». Речь идет не о том, чтобы какая-то конкретная демонстрация прекратила рубку. Это скорее Эффект Манро. Я думаю, что мы подняли уровень осознания этого вопроса, подняли ставки.

Выступление Джуди Бари

— Какие еще последствия имело «Лето Редвуда»?

— Еще одно достижение этого лета, о котором вы никогда не прочтете в популярных медиа, — это культура людей, работающих в лесной промышленности. Даже независимые лесорубы, работающие на крупные лесопромышленные корпорации, начинают задавать вопросы и высказывать свое мнение. В журнале «Форт-Брэггский Адвокат», который выступает за рубку деревьев, была передовица против Earth First!, признающая, что корпорации рубят слишком много. И теперь, когда корпоративная лесная земля заканчивается, возможно, мелкие землевладельцы смогут научиться вести лесозаготовки

экологически безопасным способом. Люди никогда раньше не поднимали эти темы. Одна вещь, которая меня очень впечатлила, — как большинство участников нашей кампании поняли, что все это было направлено не против рабочих.

— Не было ли это связано с акцентом кампании на ненасилие и постоянными программами обучения ненасильственным акциям в течение всего лета?

— Абсолютно. Один из результатов — то, что эта повестка была вообще поднята, в том числе вопросы о том, кто во всем виноват. За летом наступила «корпоративная осень». Мы говорили, что отдельные лица должны нести ответственность — и это не безликие корпорации. Наш лозунг: «Земля не умирает, ее убивают. А у убийц есть имена и адреса». Это цитата автора wobbly-песен Юты Филлипс (wobbly — «раскачивающий», протестный кантри движений за права рабочих — прим.ред.).

Цель «корпоративной осени» была в том, чтобы перенести демонстрации в офисы и роскошные дома людей, которые получают выгоду от разрушения планеты. Тот, кто зарабатывает семь или девять долларов в час, вырубая последние секвойи, не получает никакой выгоды от этого. Заработная плата в лесах округа Мендосино просто ужасающая. Девять баксов в час — это средний показатель. И есть много мексиканцев, включая нелегальных рабочих, которым платят меньше, чем за самую опасную работу в Соединенных Штатах. Это просто возмутительно — их эксплуатируют, чтобы разрушать Землю. Когда они закончат свою работу, корпорации их увольняют, и у них не будет денег ни на переезд, ни на переобучение, ни на что-либо еще. Мы пытаемся четко определить, кто заслуживает порицания. Мы не обвиняем работающих в лесной промышленности людей, которые подвергаются эксплуатации. Мы виним тех, кто несет за все это ответственность.

Тогда Центральноамериканские группы устраивали демонстрации. У нас были люди, которые работали над антиядерными и мирными вопросами. Итак, еще одна вещь, которую мы сделали, — это помогли связать различные проблемы и энвайронментализм с частью массового протестного движения, от которой он был печально отделен.

— Как вы думаете, почему защитники окружающей среды остались в стороне от основных прогрессивных движений?

— Начнем с того, что эти люди были привилегированными. Они хотят сохранить дикую природу, чтобы наслаждаться ею во время пеших походов, что само по себе является классовой привилегией. Люди в гетто не беспокоятся о дикой природе, потому что, во-первых, они не могут добраться до нее, а во-вторых, в первую очередь они стараются выживать. В первую волну экологического движения сопротивление было сосредоточено на спасении природы. Но разрушение планеты достигло таких масштабов, которые угрожают самим экосистемам и инфраструктуре жизни, поэтому мы больше не спасаем декорации. Мы спасаем основу для жизни.

Это приводит к тому, что в 1990-е годы разрушение окружающей среды оказалось в центре внимания.

Мы разрушаем планету с такой скоростью, что она больше не может поддерживать общество в его нынешней форме, — это главное противостояние. Мы приближаемся к исчерпанию ресурсов. Наше общество было построено на эксплуатации как низших классов, так и Земли. В этом я буду отходить от позиции Маркса. Маркс говорит, что всякая ценность проистекает из труда. Я думаю, что вся ценность проистекает из труда и Земли. Рабочим не выплачивают полную стоимость их работы, как и не восполняют ресурсы, отобранные у планеты. Таким образом, прибыль крадется как с нее, так и с рабочих.

“ Но разрушение планеты достигло таких масштабов, которые угрожают самим экосистемам и инфраструктуре жизни, поэтому мы больше не спасаем декорации. Мы спасаем основу для жизни.

Бесправные, бедные люди, которые работают на «Раковой Алее» (Cancer alley — промышленный район вдоль реки Миссисипи между Батон-Руж и Новым Орлеаном — прим.ред.) не имеют голоса. Профсоюзы их не представляют, за исключением профсоюза сельскохозяйственных рабочих. Только 15 процентов рабочей силы состоит в профсоюзах. И они, как правило, действительно ограничивают себя. Если они говорят о безопасности на работе, то в таком узком смысле, что как только яд покидает растение, они больше не беспокоятся. Там, конечно, нет партии, представляющей рабочих. Вот что, по-моему, мы должны делать. Вот кем, думаю, должен быть наш избирательный округ. Наши избиратели также должны быть лесорубами, которых уничтожают вместе с лесами.

— Потому что многие энвайронменталисты не понимают взаимосвязи между эксплуатацией бедных, представителей рабочего класса и эксплуатацией Земли?

— Глубинная экология провозглашает взаимосвязь всех биологических видов на земле. Если вы признаете, что все взаимосвязано, как вы можете говорить, что мы можем отделить от себя дикую природу и утверждать, что она не взаимосвязана с обществом вокруг? Эта стратегия противоречит самой теории биоцентризма. Я опровергла такое мнение Дейва Формана, сооснователя Earth First!, в журнале движения Earth First!. Вообще-то, он нас раскусил (в оригинале: red-baited — американское выражение, обозначающее подозрение в коммунистических и других левых идеях — прим.ред.). Он так и сказал: «Вы не зеленые, вы красные». Якобы мы привносим посторонние вопросы классовой борьбы и социальных проблем — по этой же причине он считает нас антропоцентристами. Не думаю, что это так — нельзя же разделить эти проблемы. И единственная причина попытаться их разделить возникает из-за того, что люди не хотят бросать вызов обществу, так как это им не выгодно. Форман называет себя патриотом и по сей день! Его образ жизни и политика вполне тому соответствуют.

Не думаю, что Дейв Форман или кто-либо из членов группы осознает это, но другой аспект, по-моему, заключается в том, что часть дискомфорта им доставляет «женский», а не «мужской» стиль организации. Одна из вещей, которой мы достигли в «Лето Редвуда», — то, что я называю феминизацией Earth First!. Мы изменили организационную стратегию, используя коллективное ненасилие, а не индивидуальную браваду. Мы не просто пытаемся

сместить мужских лидеров — мы пытаемся изменить стиль лидерства так, чтобы он был коллективным и не зависел от прославления отдельных личностей.

— Женщины тоже могут быть эгоистами. У меня было несколько довольно плохих женщин-боссов.

— Плохие женщины-боссы подражают мужчинам, но я думаю, что есть нечто большее. Женщины играют биологическую роль дарительниц жизни и воспитательниц. Знаешь, я никогда в это не верила, пока не родила детей. Я думала, что разница между мужчинами и женщинами есть только в воспитании — до тех пор, пока у меня самой не родились дети. Есть биологическая разница. Женщины, безусловно, способны подражать мужчинам — посмотрите на Маргарет Тэтчер, она идеальный пример. Но это не так просто для женщин, им сложнее так себя вести. Для такого поведения они должны предать не только свой класс, но и некоторые основные инстинкты.

— Некоторые феминистки утверждают, что патриархальная агрессия является основой всех проблем.

— Не знаю, является ли она основой всех проблем. Я не могу сказать так, но это определенно важный элемент. Есть этот драйв, эта мужская агрессия. Есть и потребность в индивидуализме, которая с ней связана. «Мужская» стратегия, бывшая стратегия Earth First!, включала в себя опору на индивидуальные акты мужества. Это было основой: мы заставим какого-нибудь храбреца залезть на дерево и за это попадем в газету. Или прокрадемся ночью и саботируем бульдозеры.

Это что-то вроде «настоящего мужчины». Весь этот маленький мачо-сценарий не был рассчитан на массовую организацию. На самом деле, они [мужчины в EF!] очень неудобны в массовой организации — им реально некомфортно участвовать в коллективных действиях.

“ Если мы не сможем выйти за пределы белого среднего класса, у нас не будет ни единого шанса.

Думаешь, они элитарны? Абсолютно! Как метко выразился один мой друг: «Вопрос в том, сначала Земля или сначала "Earth First!"?» Эти люди видят в организации маленькую клику и хотят сохранить ее чистоту в ущерб эффективности.

— Это напоминает мне о старой битве между троцкистами и сталинистами.

— Верно. У нас есть строгая линия, и мы не хотим, чтобы такие люди приходили, ведь у них не будет этой линии. Вопрос ко мне: «Мы хотим спасти планету или сформировать маленький элитный кружок?» Если мы хотим спасти планету, мы должны устранить коренные причины, включая патриархат и разрушительное эксплуататорское общество. Мы не можем разделить эти проблемы. Если все, что мы хотим сделать, — это почувствовать себя лучше и успокоить свою вину, тогда крадитесь ночью и саботируйте бульдозеры, а раз

в год устраивайте рандеву, в котором 400 человек собираются вместе и затем проводят акцию. Но это не спасет планету. Если мы не сможем выйти за пределы белого среднего класса, у нас не будет ни единого шанса.

Интересно, что Дэйв Форман и его друзья придумали лозунг «Никаких компромиссов в защиту Матери-Земли» (No Compromise in Defense of 'Mother' Earth).

Это часть мужского мифа — «Мы, храбрые воины, пойдем защищать материнство и яблочный пирог (американская идиома, которая обозначает что-то типичное и привычное для американцев – прим. ред.), или Мать-Землю!» Это ничем не отличается от господствующей парадигмы, которую они пытаются разрушить. Не только мужская агрессия является частью уничтожения планеты, но и ненависть к женскому полу способа, которым они поддерживают контроль внутри движения и общества, частью которого оно является. Я имею в виду Движение с большой буквы Д. Думаю, это всегда было проблемой. Я часто смеялась над отцом. У него на полке стояла книга, которую мы называли «Женский вопрос». Она была для мужчин, комментирующих «женскую проблему». Вы знаете этот вопрос, «что мы делаем в движении с "женским вопросом"?» Как говорит Фрейд, «чего хотят женщины?» Я скажу тебе одну вещь, Фрейд. Мы не хотим членов!

Это не вопрос мужчин и женщин. Это действительно вопрос о женской и мужской энергии.

Думаю, это действительно важное различие. Я не против мужчин, и я не сепаратистка. Я феминистка и экологиня. Я не считаю, что единственная проблема — между мужчиной и женщиной. Это лишь ее часть, и любой, кто притворяется, что это не так, поддерживает статус-кво.

— Как вы думаете, «Лето Редвуда» — хорошая модель для организации других коалиционных усилий?

— Абсолютно. На самом деле, многие другие группы заявили, что они хотят сделать что-то подобное. Это дает возможность расширить движение и обеспечивает преемственность между поколениями, местными организаторами и людьми, которые поверхностно заинтересованы в спасении планеты. Это дает возможность различным элементам движения объединиться, так как мы пытаемся использовать существующие структуры. Например, Центральноамериканская аффинити-группа (Central American affinity group) решила провести акцию, в которой участники сосредоточились на сравнении между Центральной Америкой и тем, что происходит на северном побережье. «Лето Редвуда» также предоставляет модель неиерархической или менее иерархической организации, которую может использовать движение. Мы можем быть эффективными и действовать без принятия этой иерархии и контроля мужского общества, его доминирующей парадигмы.

Некоторые люди говорят, что это открывает вам путь к анархии и хаосу.

Это правда, что у нас было много хаоса, но не забывайте, что «Лето Редвуда» началось с того, что главные участники были разгромлены покушением. Я имею в виду, дайте мне передохнуть! Во-первых, взрывом были выведены из строя наши самые опытные организаторы. А люди либо пугались, становились недееспособными, либо помогали мне

заботиться и защищать себя и Дэррила. Было много путаницы из-за нападений на нас и нашей собственной неопытности, а не тактики кампании.

Это тоже впервые. Никто из нас не был достаточно опытен, чтобы справиться — мы никогда раньше не работали в таких масштабах. Я помогала организовывать демонстрации 2000 человек и раньше, но не в отдаленной сельской местности в лесу. Мы могли бы сделать намного лучше с гораздо меньшим количеством людей, если бы делали это снова. «Лето Миссисипи» (Mississippi Summer — волонтерская кампания в Соединенных Штатах, начатая в июне 1964 года, чтобы зарегистрировать как можно больше афроамериканских избирателей в Миссисипи – прим. ред.) длилось четыре года. До «Лета Свободы» (Freedom Summer – другое название «Лета Миссисипи»; подразумевается завершение кампании – прим. ред.) оставалось четыре года. Это было четыре лета назад. У нас было четыре месяца. Думаю, нам есть чему поучиться.

В движении между людьми, стремящимися к большей организованности, и людьми, стремящимися к большей свободе индивидуальных действий, всегда присутствовала напряженность.

Мы склоняемся в анархичную сторону. Думаю, если у вас слишком много организованности, то вы подавляете индивидуальное творчество, и в конечном итоге запугаете общество, которое пытаетесь изменить. Мы пытаемся создать модель новых отношений между людьми. С одной стороны, мы пытаемся спасти леса секвойи. С другой, хотим изучить новые способы взаимоотношений, сформировать новые, не эксклюзивные, общества. И там будет место неэффективности. Я имею в виду, что фашизм — это самая эффективная система. Но я, конечно, могу терпеть неэффективность в обмен на большую свободу и более коллективный дух среди менее иерархической организации.

ФБР, безусловно, помогло движению объединиться. Одними из первых групп, предложивших свою поддержку после бомбардировок, были Американский совет по договорам индейцев (American Indian Treaty Council) и коалиция «Радуга» (Rainbow Coalition). Через эти группы выразили поддержку Движение американских индейцев (AIM) и «Черные Пантеры», которые больше не функционируют под этими названиями. Представители AIM посетили конференцию Earth First! в Колорадо этой осенью. Обе эти группы были объектами преследований ФБР — хотя и более интенсивно — одного и того же человека, Ричарда Холда (директора тайной программы наблюдения ФБР COINTELPRO за внутренними протестными группами). Это помогло нам сблизиться. Защитники окружающей среды склонны видеть себя отдельными. Ну, ФБР не считает нас такими.

Взорванная машина после покушения, в которой ехали Джуди Бари и Деррил Черни

— Должны ли в этом участвовать коренные американцы, потому что они являются хранителями этой земли?

— Они не видели своей роли хранителей. Они видели себя частью природы, а не ответственными за нее. Они не видели себя доминирующим видом. Они не считали людей кульминационным видом. Нам нужно это перенять. Точно так же, как нам необходимо изменить иерархию внутри нашего общества, нам нужно изменить наше иерархическое представление о природе. Вот что так революционно в отношении Earth First! и именно поэтому мы не хотим отказываться от нее, когда мачо-мужики делают ей дурную славу. Потому что конечное послание Earth First!, что означает «Сначала Земля!», — биоцентризм — идея о том, что человек не является центром Земли. Земли здесь нет, природа не для того, чтобы служить человеку, а человек всего лишь часть природы, и мы должны вернуть это принадлежащее нам место. Попытки господства над природой привели нас на грань уничтожения, Землю — на грань утраты способности поддерживать жизнь в том виде, в каком мы ее знаем. На самом деле я не думаю, что мы можем разрушить жизнь — мы не настолько могущественны. Зато эта форма жизни может быть в тупике — полном эволюционном тупике.

Что происходит с расследованием взрыва? Ничего. Могу сказать без всяких сомнений, что ФБР активно препятствовало проведению реального расследования. Они активно добивались, чтобы бомбардировщик не был найден. На это есть причина: скорее всего, ФБР напрямую замешано в этом. У меня нет доказательств, кроме того, что их поведение после взрыва полностью соответствовало прошлой истории с COINTELPRO. Есть слишком много вещей, которые просто не имеют смысла. Почему они вообще были там сразу? Почему они сказали, что мы с Дэррилом не только подозреваемые, но и единственные подозреваемые?

Они пришли к такому выводу в течение нескольких часов после взрыва, несмотря на то, что мы были вовлечены в крайне нестабильную организационную кампанию в отрасли, известной своей жестокостью, и что нам угрожали убийством еще до взрыва. Они закрыли глаза и утверждали, что это была наша бомба. Они «знали» это, потому что, по их словам, она была за сиденьем и мы должны были видеть ее. Позже мы показали по местам моих ранений, что бомба была под сиденьем, где ее нельзя было заметить. И ФБР уступило.

Проблема с ФБР в том, что такие вещи не всплывают годами. Если вообще когда-нибудь всплывают. Ведутся расследования, но не от ФБР. У нас есть следователь, за которого заплатил «Гринпис». Есть также расследование в Конгрессе, проведенное Судебным комитетом Палаты представителей по конституционным и гражданским правам во главе с конгрессменом Доном Эдвардсом (Д-Сан Хосе). Коалиция из 50 (прогрессивных) групп, призывавшая к расследованию прошлым летом, реально добилась его проведения. Комитет представил ФБР список вопросов, и ФБР отказалось на них отвечать. Так что я не знаю, куда это приведет — мы окажем любое возможное давление.

«Вы теперь не боитесь» — это был очень долгий, трудный процесс, чтобы проделать весь путь до такого. Постепенно, с огромной поддержкой многих людей, я снова обрела уверенность в себе. Еще не всю.

Как только я попыталась вернуться домой после взрыва, на почтовом ящике моего домовладельца появился плакат и еще одна угроза смерти. Там было написано: «Бари, убирайся!» и указаны мои точные маршруты, пробег машины и все остальное прямо до этого адреса. Там было написано, что хиппи строят мне укрытие для местной Earth First! и автор предлагал ящик пива «Coors» тому, кто меня подожжет, и шесть банок за каждую хижину хиппи по дороге. Угрожали не только мне, но и всему моему сельскому отдаленному району — поджогом в сухое лето. Письмо было подписано Стоппмерами (Stompers). Довольно трудно оправиться от взрыва и продолжать получать смертельные угрозы.

Беспокоюсь ли я о своих детях? Конечно. Сейчас я выбрала самое безопасное место, чтобы жить. После взрыва я думала, что больше никогда не смогу делать ничего политического. Если бы кто-то спросил меня, готова ли я умереть, я бы ответила: «подожди, пока мои дети вырастут». Я не пыталась пожертвовать собой за их счет — это было очень, очень тяжело для них. Они до сих пор не могут спать спокойно.

После взрыва я сказала Лизе (девятилетней дочери Бари — прим. ориг.), что вообще брошу политику. Она сказала, что не хочет этого, несколько раз. И знаете, одна из причин, по которой я это делаю ради детей — чтобы у них было достойное место, где они могли бы расти.

— Вы являетесь хорошим примером для детей, которых воспитываете в этом мире, не боясь высказываний.

— Ну, может быть, они будут больше бояться. Есть еще одна вещь, благодаря которой я смогла идти вперед — вы когда-нибудь слышали стихотворение Джона Трюдо «Это не Эль Сальвадор»? Знаете, что случилось с Джоном Трюдо? Он был лидером AIM, и его

предупредили, чтобы он не произносил конкретную речь. И он все равно ее произнес. По возвращению домой Трюдо обнаружил, что дом был заминирован, а его жена, двое детей и свекровь погибли. «Это не Эль Сальвадор» — стихотворение об этом. Дело, конечно же, в том, что это Эль Сальвадор. Когда я думаю о Джоне Трюдо, я думаю о Фреде Хэмптоне и «Черных Пантерах», о людях в Сальвадоре и Никарагуа, где 50 процентов детей — сироты...

Мы знаем, что вся система опирается на насилие. И если мы эффективно бросаем вызов системе, то неудивительно, что она собирается применить насилие против нас. Люди из Американского индейского движения (American Indian Movement) как-то сказали: «Насилие не является для нас выбором. Оно как погода — просто случается». Это часть власти и то, что мы пытаемся изменить в обществе. Но со знанием того, что такое общество и насколько оно на самом деле жестоко, как только к нам начнут применять насилие, мы бросим свое дело и потерпим поражение.

Я не понимаю, как мы можем поддерживать народ Эль Сальвадора и так легко запугаться, участвуя в борьбе здесь. Я не пытаюсь отнять у Сальвадора солидарность. Я, безусловно бы, сделала это — я была региональной координаторкой «Клятвы сопротивления» (Pledge of Resistance). Думаю, участвуя в борьбе на местах, мы тем самым помогаем народу Сальвадора. Но как мы можем продолжать бороться, когда все, что требуется им — это простейшая задача для нас, а мы все равно отступаем? Когда я смотрю на мужество товарищей в Сальвадоре, на людей в Южной Африке и на то, с чем им приходится мириться, наши проблемы меркнут рядом. Мы все еще очень привилегированны. Давайте говорить серьезно — я имею в виду, выбор очевиден, там же собираются убить Землю и все живое на ней! Альтернатива в том, что либо мы будем противостоять, либо все пойдет своим чередом. Мы должны проявить как личное, так и коллективное мужество, потому что только так можно выжить.

Когда вы говорите, что борьба выходит за рамки личной безопасности людей, я думаю, что наша коллективная безопасность важнее. И судьба леса важнее, чем моя. У меня есть цель быть здесь. Мне даны таланты и способности: способность анализировать, ясно говорить, умение налаживать связи. Я чувствую, что причина, по которой у меня есть эти таланты — в движении, и я хочу использовать их по назначению. Если я перестану, им не придется меня убивать и они преуспеют.

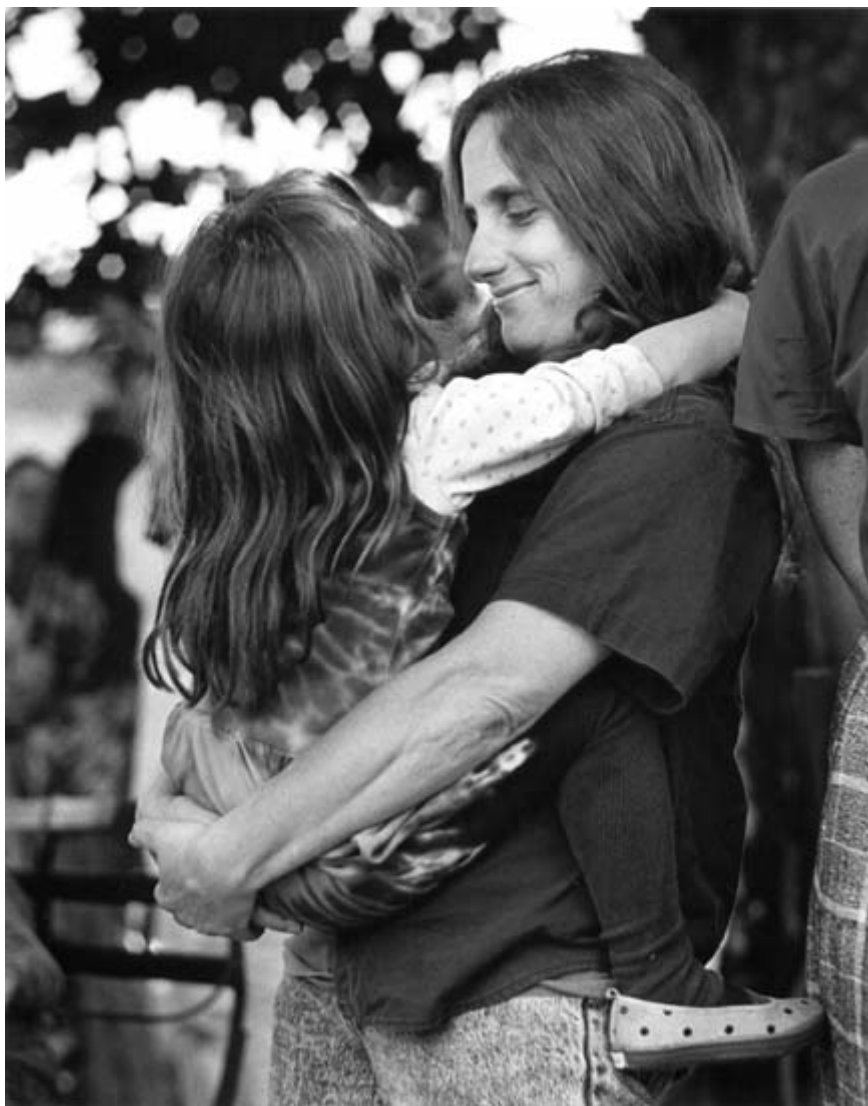
Иногда я боюсь до смерти. Иногда я так боюсь, что не могу заснуть и буквально дрожу от страха. Я не собираюсь притворяться, потому что я определенно боюсь. Я не хочу быть мученицей — это не весело и не гламурно, а чертовски больно.

— Ты поддержала людей своей смелостью и честностью. Я слышала, как многие люди, которые не являются активистами, говорят, что ты была для них потрясающим примером и вдохновением.

— Я получаю письма от разных людей, и удивительно, как много из них — женщины. Мне не нравится, когда меня считают иконой, это меня беспокоит. Нужно сказать, я горжусь, что являюсь примером для женщин. Я горжусь тем, что помогаю им встать. Думаю, это единственное, что сделал тот взрыв. В «Лето Редвуда», в мое отсутствие, 10 сильных

женщин поднялись, чтобы занять мое место, и движение увеличилось в десять раз. Эти женщины уже были в движении, но невидимками. Со мной многие участники, в первую очередь женщины, поднялись на более заметные роли. Это был другой аспект феминизации Earth First! — подъем определенных лидеров.

Возможно, поэтому это было так угрожающе. Женское движение угрожает мужской структуре власти. Точно так же, как черное движение угрожает белому.

Джуди Бари с одной из дочерей

— Кроме исцеления себя, над чем ты работаешь в эти дни?

— Я начинаю координировать книгу о «Лете Редвуда», потому что ее очень задерживали. Мы составляем предварительные отчеты. Мы все знаем, что никогда не будем прежними. Но если вы прочтаете прессу, то подумаете, что ничего не случилось, что это полный провал. The New York Times сказала, что пришло 500 человек за все лето, что мы разрушили Earth First!, вызвали местные разногласия, и что проблема по-прежнему в рабочих местах, а не в деревьях, что никогда и не было проблемой. Проблема в краткосрочной прибыли в сравнении с долгосрочным выживанием. Очень важно донести эту мысль.

Я намерена говорить и писать как можно больше. Мне также нужно быть в местном сообществе. Я не могу выйти на национальный уровень — тогда я потеряю свою местную базу или свое обоснование. Я занимаюсь этим не только в вакууме. Я делаю это, потому что связана и с землей, и с людьми здесь. И думаю, что движение намного продвинулось вперед по сравнению с положением до взрыва.

“ Проблема в краткосрочной прибыли в сравнении с долгосрочным выживанием. Очень важно донести эту мысль.

Самое большое, что мы потеряли после взрыва бомбы, — работу коалиции. Очень смело со стороны рабочего начать с нами соглашаться, работать с нами и говорить: «Да, эти люди правы. На короле нет одежды». Было несколько рабочих, которые начали делать это публично, и много тех, кто начал в частном порядке. И больше всего начинали анонимно — в том числе люди, которые передавали мне информацию, звонили. Люди в лесной промышленности испугались взрывов, и рабочая коалиция потеряла позиции. У нас есть разные сторонники среди лесозаготовителей, но предстоит ещё долгий путь, чтобы они начали доверять не только мне, но и экологам. И не начинали верить линии компании.

Многих сейчас увольняют, потому что прошлым летом они срубили двадцатилетние деревья. Уложили их на бревенчатые палубы, и началась рецессия. Из-за автоматизации и экспорта, из-за перегрузки. То, что я вижу среди некоторых лесозаготовителей, скорее критика корпораций, — острее, чем раньше. Есть возможность восстановить альянс, который мы начинали строить, и надеюсь, я смогу над этим поработать. Это не работа во славу — я не получаю ни копейки. Медленная, но самая важная работа, которую я могу сейчас выполнять.

У меня есть уникальная перспектива, потому что я не просто наравне с рабочим классом. Я всю свою жизнь была синим воротничком. И сознательно саботировала себя, не получив диплом колледжа. Я выполняла фабричную и плотницкую работу, а также различные другие работы, была кассиршей. Так что я не просто говорю «эй!», а потому что это такие же условия моей жизни. Я веду слегка маргинальный образ жизни — всегда так и было. Я культурно отличаюсь от них, но с экономической точки зрения мы равны.

Проблема в том, как мы все сосуществуем на Земле. Стремление вести яппинский образ жизни, называя себя защитниками окружающей среды, образует огромное противоречие. Мы должны упростить нашу собственную жизнь.

Версия #3

Зверобой создал 18 апреля 2025 20:13:40

Зверобой обновил 18 апреля 2025 20:19:12